

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Елена Логунова

Ванна
с шампанским

ЭКСМО

Елена Ивановна Логунова
Ванна с шампанским
Серия «Индия Кузнецова», книга 12

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4990649

Ванна с шампанским : роман / Елена Логунова: Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-62504-8

Аннотация

Индия негодовала: ее жених не смог выбить у начальства отпуск, а теперь поездка в Рим накрывается медным тазом! Составить девушке компанию согласился брат, известный дизайнер Казимир, но если бы она знала, чем все закончится! Увидев в одном из римских сквериков бесхозную старинную ванну, он вознамерился увезти ее с собой, чтобы выгодно продать одному из постоянных клиентов. Только обещанная ей половина гонорара заставила Индию помогать брату в этом сомнительном деле. Под покровом ночи они запаковали ценный груз и припрятали в кустах, а когда утром доставили к себе в отель, то обнаружили в ванне... свеженький труп знойного итальянского мужчины!

Содержание

1467 год, Рим	4
Пять с половиной столетий спустя, Россия	6
Снова Рим, наше время	15
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Елена Логунова

Ванна с шампанским

1467 год, Рим

Преступник был не один, но его преследователи об этом не знали.

Первый вор выскользнул из дворца и сумел обойти стражу, но уже в саду имел несчастье столкнуться с госпожой. Та как раз совершала вечернюю прогулку, ища вдохновения для сочинения очередного сонета, и, разумеется, не могла не узнать свою собственную шкатулку с резным гербом на крышке и дорогими украшениями под ней.

Спрятать шкатулку за пазухой щуплый вор не мог, ибо размеры ее вполне соответствовали степени фамильного пристрастия к драгоценностям – все Медичи поголовно были одержимыми коллекционерами и имели отличный вкус.

Лукреция Торнабуони де Медичи была еще и очень умной женщиной. Она без труда сообразила, что все это означает – а именно, несправедную попытку лишить ее любимых украшений, – и без единого звука разминулась с вором, но сразу же подняла на ноги стражу.

Однако погоня настигла преступника не раньше, чем он встретился с сообщником.

Встреча прошла в обстановке, которую нельзя было бы назвать теплой и дружеской. В результате ее первый вор принудительно обменял резную шкатулку на перерезанное горло и скатился с откоса на оживленную улицу, где его нашли только утром.

Второй преступник потерял время, подбирая с земли рассыпанные в ходе стычки украшения, и спустя четверть часа был схвачен в сотне метров от места гибели сообщника.

Госпожа Лукреция получила обратно все свои драгоценности, кроме одной.

Втопанная в землю в пылу борьбы, небольшая вещица затерялась в политой кровью почве и в веках.

Пять с половиной столетий спустя, Россия

– Вот и все, Кулебякин! Имей в виду – я ставлю точку! – проорала я и, выскочив из квартиры, шарахнула дверь так, что со стены посыпалась штукатурка.

Прорвавшись сквозь завесу известковой пыли, я проскакала вниз по лестнице и ворвалась в отчий дом, как помесь злобной фурии и безутешной плакальщицы: зареванная, растрепанная, присыпанная чем-то белым, точно пеплом.

– Ой-ой! Сейчас прольется чья-то кровь! – вовремя посторонившись с моего пути, напороочил братец Зяма – гибрид пифии и буколического пастушка.

– Уже! – сообщила я и, лязгнув шпингалетом, как ружейным затвором, заперлась в ванной комнате.

– А что это случилось с нашей Дюшей? – обеспокоенно спросил за дверь папуля.

– Наша Дюша громко плачет! – бестрепетно сообщил ему Зяма.

– Это я слышу, а почему она плачет? – не удовлетворился кратким ответом папуля.

– А почему бы ей не поплакать? Даже такие бессердечные чудовища, как моя сестрица, иногда плачут, – рассудительно ответил братец. – Крокодилы, например. Они плачут, пото-

му что хотят кушать.

– Я знаю, почему плачут крокодилы, – папин голос зазвучал строже. – Я хочу знать, почему плачет моя дочь!

Наш папуля – добрейшей души человек, заботливый отец, любящий муж и мирный кулинар-изобретатель, но в прошлом он – боевой армейский офицер. И если в папином голосе появляются стальные нотки – это грозное лязганье бронемашин.

Зяма понял, что манеру поведения надо менять, деликатно поскребся в филенку и сладким голосом спросил:

– Индюшечка, сестричка, ты почему плачешь, родненькая? Ты хочешь кушать?

Я не сдержалась и взвыла.

Кушать! Ах, если бы!

Оголодать в нашем доме практически невозможно – хлебосольный папуля неизменно рад возможности скормить ближним результаты своих кулинарных экспериментов, из-за чего у слабого животом Зямы, например, нагрудные кармашки всегда набиты мезимом, фесталом и активированным углем, как газыри – патронами.

– Нет! Я не хочу кушать! – крикнула я, перекрывая шум воды в умывальнике.

– Хм... Тогда у меня больше нет версий, – признался Зяма, отступая от двери.

– Дюшенька, тебя кто-то обидел? – бронетанковым голосом пробряцал встревоженный папа.

Это уже было ближе к истине.

Я яростно потерла лицо полотенцем, отшвырнула влажный махровый ком и распахнула дверь:

– Да! Меня обидели! Меня смертельно обидели!!!

– О, если смертельно, то это к маме, – хладнокровно режюмировал вредный Зяма.

Наша мама – прославленная сочинительница литературных ужасиков. Смерть с косой и гроб с музыкой – непременные атрибуты ее творческой деятельности.

– Кто звал меня? – замогильным голосом спросила мамуля.

Она медленно продвигалась по коридору в нашу сторону с айпадом в руках, светящийся экран которого щедро добавил ее безупречным чертам призрачной голубизны.

– Чур меня, – ретируясь, молвил слабонервный Зяма.

– Басенька, Дюша плачет! – четко доложил супруге папа.

Мама подняла глаза, и по ее затуманенному взору я поняла, что папулино донесение дошло до нее не сразу.

Какое-то время мамуля соображала: кто это – Дюша?

Видимо, ей хватило деликатности не назвать моим именем какую-нибудь бледную утопленницу, синюю удавленницу, черную ведьму и вообще никого из тех, в чей дивный мир она с головой погружалась в период работы над очередной рукописью.

– Плачет? – брезгливо повторила мамуля.

Чувствовалось, что ей гораздо больше понравились бы

выражения «обливается кровавыми слезами» и «рыдает, ломая руки».

Потом до нее дошло:

– Ах, Дюша плачет!

Затуманенные очи родительницы обрели зоркость, и она сразу все поняла:

– Опять Денис?

Я всхлипнула.

– Майор Кулебякин! – уяснив, кто виновник дочуркиного плача, гаркнул в потолок мой папа-полковник.

– Не зови его, папа! – вскричала я. – Нет больше в моей жизни майора Кулебякина.

– А что с ним случилось? – в мамином вопросе прозвучал профессиональный интерес.

– Да жив он, жив, – отмахнулась я, упреждая расспросы. – Для всего человечества жив, а для меня умер. Все, мы расстались, и на этот раз – окончательно.

– Как всегда, – кивнула мамуля. – И из-за чего на этот раз?

Я обвела лица родственников скорбным взглядом:

– У него не будет летнего отпуска!

– И что? – папуля сути трагедии не понял.

– Ну как – что, пап? Теперь накрылся медным тазом Вечный город! – объяснил ему смысленный Зяма. – Или же нашей Дюхе придется гулять по Риму одной.

Я печально кивнула.

– Я категорически против того, чтобы наша девочка ехала

в Рим одна, – твердо сказал папа. – Мы все наслышаны о темпераменте итальянских мужчин.

– Я могу поехать с Дюшей! – быстро сказала мамуля.

Глаза ее заблистали и забегали, как болотные огни.

– Только через мой труп! – объявил папуля и воинственно взмахнул поварешкой.

– Ревнивец! – обличила его мама.

– Вертихвостка! – не замедлил с ответом папа.

– Не при детях, пожалуйста! – Зяма потеснил ссорящихся родителей, выжимая их из коридора в кухню, и потянул меня за рукав: – Пойдем, побеседуем.

Мы уединились в Зяминой комнате – там, благодаря коллекции этнических ковриков на стенах, хорошая звукоизоляция.

– Давай поговорим о сложившейся ситуации без эмоций, – удобно расположившись на оттоманке, предложил братишка. – Что ты теряешь? Я имею в виду, кроме святой веры в любовь Дениса Кулебякина?

– Отпуск, – мрачно ответила я. – Я эту летнюю неделю из шефа выдавливала прямо по Чехову – как раба: по капле, день за днем. Больше месяца его трамбовала! И если теперь я не уйду в отпуск, как запланировала, то буду вкалывать в наших рудниках до зимы.

– Это печально, – без тени грусти согласился Зяма, который ни в каких рудниках не вкалывает, ибо он свободный художник, сам себе и раб, и господин.

– Это еще печальнее, чем кажется, – я решила быть абсолютно честной. – По правде говоря, Бронич дал мне неделю, а я собралась отсутствовать десять дней, так что по возвращении меня ждет скандал, но сейчас это неважно. Сейчас важно, что отель в Риме предоплачен по рекламной акции, с условием, что деньги не возвращаются.

– Это серьезный аргумент.

– И, наконец, билеты сдать нельзя, потому что авиакомпания – дискаунтер, – закончила я. – А я оплатила их своей собственной карточкой, потому что у моего бывшего любимого мента нет и никогда не было «пластиковых денег».

– У него и обычные-то не водятся, – кивнул Зяма. – «Короче, Склихасовский!» Не буду играть на твоих расстроенных нервах. Так и быть, я могу выкроить в своем напряженном творческом графике недельку для поездки в Рим. При чем я сам заплачу за переоформление билета и честно разделю с тобой расходы на отель.

– Но?

Я не спешила радоваться.

Я хорошо знаю Зяму.

«Бойтесь данайцев, дары приносящих» – это про него.

Зямыны троянские кони отличаются только габаритами и дизайном.

Притом до сих пор братишка ни разу не выказывал желания посетить прекрасный итальянский край, наоборот, твердил, что у него очень много неотложных и важных дел на

родине. Занимался ими Зяма едва ли не круглосуточно, так что уже с месяц примерно наше с ним общение было крайне нерегулярным, а случайные встречи происходили в основном на кухне, у холодильника.

– Но ты прекратишь предавать интересы семьи и помиришь меня с Трошкиной! – заявил он.

Алка Трошкина – это моя лучшая подруга, очень милая девушка, любовь которой бессовестный Зяма топтал так долго, что ее нежное сердце покрылось толстой асфальтовой коркой. Теперь Алка в Зямину сторону даже не смотрит, а беспутный братец мой, наоборот, вдруг возмечтал лишь о ней. Он даже согласен жениться! К сожалению, теперь ни на что такое не согласна Алка.

Перефразируя слова поэта: чем меньше мы мужчину любим, тем больше нравимся ему.

– Даже если я вас помирю, вы снова поссоритесь, как только ты снова положишь глаз на чужие голые коленки, – предупредила я.

– Так ведь скоро осень, – напомнил мне Зяма. – В холодное время года риск увидеть чужие голые коленки много ниже, а к весне мы с Аллочкой уже будем женаты.

– Какой же ты, Зямка, бессовестный мерзавец, – сказала я – и все же задумалась.

С одной стороны, предложенная братцем сделка попахивала предательством, а с другой – Трошкина ведь и сама мечтает стать Кузнецовой...

Я притихла...

Зяма, привлекая мое внимание, нетерпеливо пощелкал пальцами перед моим лицом. Я очнулась, и он, моментально угадав мое решение, ловко переформатировал фигуру из трех пальцев в развернутую для рукопожатия ладонь.

– Ладно, брат, договорились, – я энергично потрясла холеную руку братца. – Но с тебя хороший подарок Трошкиной из Рима – с ним и пойдём к ней мириться.

– Я согласен! – Зяма расплылся в улыбке. – Я могу привезти ей кусок Колизея! Фрагмент дорической колонны, а? Обломок мрамора килограммов на сто! Мне для любимой ничего не жалко!

Тогда я не обратила внимания на эту его фразу, а зря!

Обещание, произнесенное Зямой для красного словца, оказалось пророческим.

– Детки, все порядке? – вежливо постучавшись, в комнату заглянул папуля.

– У нас – да, а у вас? – дипломатично отозвался братец.

– Все прекрасно.

Папуля улыбнулся, ввинтил в уши наушники плеера и удалился, встряхивая гузкой и немелодично напевая:

– Но парле американо! Американо! Американо!

Очевидно, на ужин нам следовало ожидать какое-то блюдо заокеанской кухни.

– Но парле италиано! Италиано! Италиано! – переиначив песенку, подмигнул мне Зяма.

– Ничего, как-нибудь обойдемся английским, – ответила я, подумав, что это реплика по существу.

Эх, знала бы я тогда, что нас ждет!

Снова Рим, наше время

На пятый день пребывания в Вечном городе, переполненные впечатлениями, мы начали сторониться торных туристических дорог, все с бóльшим умилением поглядывая в сторону уединенных фонтанчиков и тихих сквериков.

Сбросить с натруженных ног кроссовки, потоптаться босиком по редкой бурой траве и вылить себе за воротник пригоршню чистой холодной водицы из древнеримского водопровода – это было поистине райское блаженство.

А еще – растянуться на покривившейся каменной лавочке под раскидистым деревом, в ветвях которого возятся, сражаясь с несъедобными толстокорыми цитрусовыми с красивым названием «померанцы», зеленые попугайчики...

А еще – не вставая с лавочки, мобильником сфотографировать свои босые ноги на фоне античных руин и тут же выложить снимок на фейсбук с незатейливой подписью типа: «Я на солнышке лежу!»

И продолжать лежать, поглядывая то на горький апельсин над головой, то на все удлиняющийся список завистливых комментариев в соцсети...

Единственной проблемой оказался ажиотажный спрос на укромные скверики. Организованные туристы об их существовании даже не подозревали, зато полулегальные гости города – темнокожие деятели уличной торговли – в рабочий

полдень массово укладывались на траву-мураву подремать.

Чтобы не конкурировать с другими утомленными солнцем, мы с Зямой проводили сиесту в отеле, а в тихие скверики выдвигались под вечер – с бутылочкой доброго итальянского вина и запасом свежих бутербродов из супермаркета.

Мы нашли в самом центре города два прелестных сквера. Один, если я правильно поняла итальянскую надпись на табличке, назывался «Сад Квиринале», другой, расположенный совсем рядом, оказался без всякой таблички и вообще поскромнее, поэтому Зяма так и спрашивал меня: «Где сегодня посидим – во саду иль в огороде?»

«Во саду» стоял памятник усатому вояке по имени Карло Альберто на безымянном коне. Постамент украшали батальные сцены, в которых мы обнаружили принципиальную неправильность: изображенные на барельефах уланы, драгуны и прочие военнообязанные кентавры сражались голыми руками. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что у некоторых бойцов в кулаках сохранились гарды, однако клинки исчезли. Это низвело благородные поединки на саблях до вульгарных потасовок на кулачках – воистину от великого до смешного один шаг.

– Не иначе, это туристы солдатиков обезоружили, – резюмировала я. – Отломали бронзовые сабельки на сувениры, варвары!

– Некультурные люди, им только покажи, где что плохо лежит! – возмутился Зяма.

В соседнем сквере памятников не было, но туда мы попали только с третьей попытки, потому что он не был кругло-суточно открыт всем ветрам, туристам и гастарбайтерам. На ночь ворота в этот скромный оазис закрывались на замок, а на углу очень неудачно располагался полицейский в будочке. Он охранял правительственное здание по соседству, но наверняка отреагировал бы и на несанкционированное вторжение в сквер. Мы с Зямой не рискнули лезть через забор и пришли, как порядочные, за пару часов до закрытия.

Был тот тихий вечерний час, когда в нашем отечестве пенсионеры, домохозяйки и младшие школьники выходят во двор подышать свежим воздухом, обменяться взглядами и слухами, покататься на качелях и поиграть с мячом – кто чем занимается. В итальянском варианте эта традиция выглядела поскромнее: детей мы не увидели вовсе, а граждане постарше сидели на лавочках порознь и коммуницировали слабо.

Несмотря на то что этим вечером Зяма выгуливал по Риму нечеловеческой красоты льняные порты с кружевной оторочкой и телесного цвета майку с принтом в виде нагрудной татуировки «Я натурал», наше появление в скверике никого не впечатлило.

– А как ты думал? В этом городе привыкли к зрелищам, – сказала я братцу, похлопав его по крутому плечу. – Когда-то народ тут так и требовал: «Хлеба и зрелищ!», но те времена давно прошли.

– Хочешь сказать, я не мог бы составить конкуренцию гла-

диаторам? – обиделся Зяма.

– Ну, почему же?

Я прищурилась и оглядела братца с головы до ног.

Надо признать, Зямка у нас красавец. Он на голову выше меня (а у меня своих 185 сантиметров) и сложен, как Аполлон.

– Тебе бы сандалии с ремешками, юбочку из бронзовых лепестков, нагрудник из дубленой кожи...

– И можно было бы зарабатывать на лазанью, фотографируясь за деньги с туристами у Колизея! – повеселел братишка. – Только еще загореть немножко.

Он тут же стянул с себя майку и подставил роскошный торс итальянскому солнышку. Потом покосился на публику, которая все еще не прониклась, и пошел, поигрывая мускулами, к фонтанчику – плескаться, фыркать и всяко-разно привлекать к себе внимание.

– Пижон! – тихо хмыкнула я, опускаясь на внушительный обломок чего-то античного.

Солнечный свет, процеженный сквозь раскидистую крону высоченной старой пинии, теплым медом стекал мне на плечи. Пахло пылью, сухой травой и цветами: в углу, у огороженных пластиковой сеткой невнятных руин, пламенел куст гибискуса. Там же пучком росли раскидистые пальмы, затейливо сочетавшиеся с лопухами.

Я расслабленно смотрела на братца, принимавшего нехитрую водную процедуру.

Внезапно загорелая спина Зяма застыла, словно отлитая в бронзе. Братец обернулся ко мне, и я встревожилась: лицо у Зямки перекосилось, глаз задергался, и общий вид сделался крайне нездоровым!

– Не хватало еще подхватить какую-нибудь древнюю кишечную заразу, – забеспокоилась я, слезая с камешка.

До сих пор я очень радовалась многочисленным римским фонтанам и бюветам с превосходной и бесплатной питьевой водой. Но, как говорится, что гладиатору хорошо, то Зяме – смерть! Не дай Юпитер, конечно...

– Что с тобой, братец козленочек? Тебе дурно? – как добрая сестрица, спросила я Зяму, подойдя поближе.

– За козленочка можно и в глаз, – беззлобно ответил братец, которого в детстве морально мучали необразованные одноклассники, упорно писавшие красивое имя Казимир в два слова: Козий Мир. – Но мне не плохо, нет. Мне хорошо! Мне прекрасно и удивительно! О! Ты только посмотри! Ты видишь это?!

– Что?

Я проследила за направлением взгляда брата Зямы, чье скуластое лицо уже украсил лихорадочный румянец.

– Это! Это!

Братец отошел от фонтанчика и принялся сладострастно оглаживать массивное основание чахлой клумбы.

Неопознанные хилые побеги торчали из сухой земли, заполнявшей некое подобие цветочного горшка, увеличенного

раз в десять в высоту и в двадцать – в ширину.

Чем тут восхищаться, я не поняла?

– Индия Кузнецова, ты – невежественная варварша, – заклеил меня позором Зяма, лаская дрожащими руками завитушку на боку мега-горшка. – Дюха, это же ванна! Мраморная ванна, восемнадцатый век!

Тут он просканировал взглядом фасад ближайшего жилого дома – красивого, старинного, цвета «клубничное бланманже», с зелеными щелястыми ставнями, колоннами, лепниной и бельведером – и добавил:

– А может быть, даже семнадцатый!

– Разбитая, наверное? – предположила я.

Зяма тут же согнулся и полез пристально осматривать бельведерскую ванну со всех сторон, приобретя большое сходство не с гладиатором, а с дюжей полуголой пастушкой, озабоченно инспектирующей особо мощное коровье вымя.

– Целая!

Зяма вынырнул из-за ванны.

Глаза его сияли.

– Прекрасно, – сухо сказала я, немного напуганная этой фанатичной радостью. – Это целая итальянская мраморная ванна семнадцатого века из дворца. Можно сказать, донна ванна бельведерес. И что? Мало ли в Италии этих ванн? Да в Риме полным-полно более важных и древних достопримечательностей, даже по части сантехники и банно-прачечных услуг. Вспомни хотя бы термы Каракаллы.

В этих знаменитых термах одновременно могли принимать водные процедуры полторы тысячи древних римлян. В наше время термы Каракаллы обезвожены, сеансы массового мытья там давно не проводятся, зато в естественных декорациях играют спектакли для туристов. Мы с Зямой незаконно проникли в термы с заднего хода – через ворота, куда заезжают фуры с оборудованием для вечерних представлений. Прежде чем нас обнаружили на охраняемом объекте рабочие сцены, мы с братцем успели без помех и провожатых осмотреть все закоулки античных бань и даже обсудили возможность сколупнуть пару-тройку древних мозаичных плиточек на сувениры друзьям в России.

По итогам состоявшейся экскурсии Зяма заявил, что теперь ему понятно, каким должен быть реально шикарный фитнес-клуб, но голодного блеска в глазах и лихорадочного румянца на щеках термы Каракаллы у него не вызвали.

– Ну, ты сравнила! – братец всплеснул руками. – Термы Каракаллы – культурная ценность мирового значения! Они принадлежат всему человечеству!

Вот тут я кое-что поняла:

– Ага, а эта конкретная ванна никому не принадлежит, ты к этому клонишь?

– Да!

– У некоторых туристов совсем совести нет, – вздохнула я. – Им в культурной столице мира только покажи, что где плохо лежит! Враз сопрут, хоть бронзовую сабельку, хоть

мраморную ванночку...

Зяма пристально посмотрел мне в глаза.

– Злые и глупые люди ее выбросили, поменяв на банальнейшую стальную ванну образца двадцать первого века! И вот стоит она тут, сиротеет, одинокая, несчастная и никому не нужная...

– Намек понят, – сказала я и нахмурилась. – Ключевые слова: «никому не нужна тут», да? А кому и где нужна?

– Все-таки ты не дура у нас, Дюха! – воскликнул Зяма и полез ко мне обниматься. – Да за эту раритетную ванну какой-нибудь олигарх из наших широт заплатит золотом по весу!

– И ты знаешь такого олигарха?

Я с новым интересом посмотрела сначала на ванну, потом на брата.

Вообще-то, вопрос был риторическим. Зямка – очень модный и высокооплачиваемый интерьер-дизайнер, среди его клиентов и миллионеры попадаются.

Я поменяла вопрос:

– И сколько же она весит?

– Хороший вопрос!

Зяма снова полез осматривать сантехнический артефакт.

– С полтонны, я думаю. Может, три-четыре центнера, где-то так... Да, это проблема.

Я наскоро прикинула, будет ли мне очень трудно потратить полтонны золота? Ну, не полтонны, а двести пятьдесят

кило, если по-честному поделиться с Зямой? Нет, не будет! Так какая проблема?

– Дюха, подумай головой! – Зяма бесцеремонно постучал кулаком по моему лбу.

Прислушался. Постучал по ванне.

Я облегченно выдохнула: звук был другой.

– Проблема в том, чтобы унести ее отсюда! – объяснил Зяма.

Я отступила на шаг, окинула взглядом скульптурную группу «Бронзовый гладиатор и мраморная ванна весом в полтонны» и присвистнула:

– Не-е-ет, не потянем!

– Потянем, потянем! – уверенно сказал Зяма и для начала потянул меня за руку. – Ну-ка, давай отойдем в стороночку. Не будем привлекать к себе внимание.

Зяма, не желающий привлекать к себе внимание, – это была редкость почище сантехнического артефакта! Я послушно удалилась с ним на заранее подготовленную позицию.

Мы с братцем уселись на камень и зашептались, разрабатывая план спасения и возвращения к жизни прозябающего в неизвестности и небрежении антиквариата.

Сформировавшиеся пункты плана мы заедали бутербродами и запивали вином. Шипучее и сладкое «Чинзано Асти» по смешной цене – четыре евро за бутылку – весьма способствовало впадению в состояние эйфории, и к тому моменту, когда сквер опустел, идея уволочь из Рима в Россию полтон-

ны мрамора в компактной форме целой ванны уже не казалась мне абсолютно бредовой. Малость странноватой в отдельных аспектах – это да.

Я так и сказала Зяме:

– Странно, что ты не торгуешься со мной из-за доли, кому сколько денег достанется!

– Мы честно поделимся, – пообещал братишка.

Я не забыла, как «честно» мы делили шоколадные конфеты из новогодних подарков, но не стала напоминать об этом брату. Только пожала плечами и сказала:

– Посмотрим.

– Увидим, – вставая с камешка, поддакнул мне Зяма.

Шагая на заплетающихся ногах по бульвару в направлении отеля, мы весело скандировали слегка переиначенный стишок Михалкова:

Донна Ванна, наш отряд
Хочет видеть поросят!

Идиоты.

Мироздание снова откликнулось на наш душевный порыв и подложило нам свинью!

Наутро Зяма потащил меня в Ватикан.

Вообще-то, мы планировали сделать это перед самым отъездом, посвятив основательному осмотру «государства в го-

сударстве» целый день, но братец веско сказал:

– Потом будет некогда!

И я подчинилась, подумав, что это психологически правильный ход: сделать с утра пораньше что-то богоугодное, чтобы вечером с чистой совестью творить непотребства.

– Сначала походим по святым местам, а потом подадимся в преступники, – озвучила я свои мысли для братца, и он так глубоко проникся этой логикой, что даже пошел исповедоваться.

Я ограничилась тем, что купила освященный образок и новаторски пристроила его на бегунок застежки-молнии, откуда как-то незаметно оторвался и потерялся штатный медный язычок.

– Неожиданно, но интересно, – прокомментировал мои действия профессиональный дизайнер.

– И функционально, – с легким вызовом добавила я.

Я уже сломала один ноготь, застегивая свои джинсы без этого самого язычка.

Зяма рысью обежал собор, внимательно изучая наклепленные на кабинки бумажки с целью найти священника, принимающего исповедь на русском, однако славянские языки оказались в Ватикане не в чести. Единственный падре был готов к отправлению обряда на украинском, за который более или менее сошла кубанская станичная «балачка».

Исповедально балакающий братец был смешон, но – только в моих глазах: другие дамы на коленопреклоненного Зя-

му засматривались, явно мечтая увидеть его в аналогичной позиции у своих ног.

Зяма конспективно поведал святому отцу о своей карьере прелюбодея, получил отпущение грехов и с улыбкой неподдельного облегчения сообщил мне на ушко, что теперь он полностью готов наставить на путь истинный заблудшую потерянную ванну.

Я не стала уточнять, ведет ли истинный путь ванны в Россию – это было очевидно. К тому же, Зяма еще ночью провел по телефону приватный разговор с каким-то заинтересованным отечественным миллионером и заручился его обещанием организовать нам техподдержку на стадии вывоза объекта из Италии.

Наша задача упростилась.

– Вечером сопрем ее, утром сдадим – и вуаля! Считаю, что денежки у нас в кармане, – резюмировал воодушевленный братец.

– Вечером ванна – утром деньги, – поддакнула я, вспомнив «Двенадцать стульев».

Из Ватикана мы отправились в супермаркет, где купили жареного цыпленка, бутылку кьянти, пару панини с ветчиной, мясницкий нож и детский набор для песочницы с превосходным, изготовленным в лучших традициях военной конверсии, совочком из эмалированного железа. Пластмассовая лейка продавалась отдельно – мы взяли и ее, рассудив, что землю из ванны, возможно, легче будет выковыривать в

сыром виде.

Громадный матерчатый чемодан, который прекрасно подошел бы для африканских контрабандистов, нелегально вывозящих слонят и бегемотиков, мы выторговали на улице за двадцать евро. Причем в качестве бонуса чернокожий продавец (явно родственник тех самых контрабандистов) предложил нам большую скидку на покупку средних размеров саквояжа с фальшивым лейблом «Гуччи».

– Не будем опускаться до подделок! – высокомерно молвил Зяма. – Только качественный товар, только настоящие шедевры!

И – в продолжение этой похвальной концепции – без спроса взял в качестве подкладного дна для укрепления чемодана одну из массивных деревянных ступеней, приготовленных для починки лестницы в нашем отеле.

Отель, если верить рекламному проспекту, в прошлом году справил свое трехсотлетие, так что лестница наверняка могла считаться произведением итальянского деревянного зодчества.

На развале у вокзала Термини мы за полкопейки купили пару бесформенных толстовок с капюшоном и две бейсболки – для маскировки. А вот на транспорт нам пришлось раскошелиться.

– Не думал, что на старости лет буду тратиться на скейты! – причитал скуповатый Зяма, расплачиваясь за пару досок в лавке спорттоваров.

– Это не роскошь, а средство передвижения! – напомнила я, и братец замолчал.

Мы выбрали упроченную модель с самой широкой – девять дюймов – восьмислойной декой из канадского клена и карбоновыми дисками подвески. Продавец пошутил, что такая доска выдержит даже кульбиты тяжеловеса-суматори, если ему вздумается сменить вид спорта.

Мы с Зямой оценили подсказку и прикинули: хороший борец сумо весит сто двадцать, а то и сто пятьдесят кило, а наша ванна – примерно четыреста. То есть чуть больше, чем пара добрых суматори, но ванна не будет подпрыгивать и толкаться, так что непродолжительную эксплуатацию в щадящем режиме скейты должны выдержать.

Экипированные в соответствии с замыслом, мы выдвинулись на Виа Кавур за полчаса до закрытия сквера.

Ванна стояла на месте, лавочки пустовали.

Мы спрятались за цветущим кустом, подождали, пока ворота не запрут, и только тогда приступили к работе.

Земля в ванне оказалась цементной плотности. Не удивительно, что нежные цветочки не смогли в ней расти! Даже стальная лопаточка только царапала плотно спрессованный блок серозема. К счастью, мы это предусмотрели.

Мы с братцем разделились: Зяма таскал лейкой воду от фонтана, а я ковыряла размоченную землю совочком.

– Грязная работа, – заметила я минут через пятнадцать напряженного и малорезультативного труда.

– Воистину, мокрое дело! – поддакнул Зяма.

Мы поменялись, и я засновала по воду с лейкой, а братец заработал совочком.

Примерно через час ему удалось пробить земляную корку, под которой обнаружился слой песка. Очевидно, люди, разжаловавшие антикварную ванну до «уровня» уличной клумбы, пытались сделать это по правилам садового искусства. Я предположила, что под песком будет гравий или мелкие камни, и оказалась права.

С песком и щебнем мы справились быстро. Я орудовала совочком, а Зяма то тесаком мясника, то просто руками. Он самоотверженно, забыв про маникюр, выгребал камни горстями, и я тоже старалась вовсю, нагибаясь и распрямляясь, точно кланяющаяся марионетка, пока не почувствовала, что мои джинсы не выдержали этой физкультуры и снова растянулись. Со злополучной застежки-молнии, чтоб ей треснуть, опять дезертировал язычок замка!

Случилось это, надо признать, крайне не вовремя.

Мы почти опорожнили ванну и теперь были окружены бугристым песочно-земляным валом. Искать среди этих рукотворных холмов такую маленькую штучку, как беглый язычок-образок, представлялось бесперспективным делом, но я все-таки попыталась.

Поиски осложнялись тем, что уже стемнело, а мы с Зямой не подумали об освещении. Пришлось подсвечивать себе мобильником.

Мне повезло: я нашла свой медальон. Он здорово испачкался, но я прицепила его на бегунок, не тратя времени на санобработку: я и сама была грязной, как всем известное животное с пятачком.

– Мы точно свиньи у корыта! – прямо сказал Зяма и любовно погладил ванну.

Ее мы заботливо ополоснули из лейки, а собственное омоложение отложили до момента возвращения в отель.

Потом мы приступили к упаковке.

Сначала максимально широко распахнули чемодан, так, что его мягкие матерчатые половинки крыльями легли на сырую землю, а затем с помощью наклонной доски переправили туда ванну – вместе с доской, без которой эта громадина наверняка прорвала бы днище чемодана. Но и в такой конфигурации багаж получился совершенно неподъемным, поэтому нам пришлось повозиться еще, подпихивая под несущую доску скейты. Очень удачно получилось: загнутые концы досок плотно охватили чемодан снизу.

Наконец все было готово для транспортировки, и осталось решить лишь одну задачу: как вывезти нашу телегу из огороженного сквера с закрытыми воротами?

Переправить чемодан весом в полтонны через забор без подъемного крана или вертолета не представлялось возможным. Перепилить или вскрыть амбарный замок на калитке было много реальнее, тем более что Зяма на школьных уроках труда обучался слесарному делу. Но практиковаться в

забытом ремесле ему пришлось бы в поле зрения охранника, а это резко уменьшало шансы на успех операции.

– Делать нечего, придется оставить тут чемоданчик до утра, – решила я, рассмотрев все варианты.

– А его не сопрут? – заволновался братец.

– Как? – коротко спросила я. – Хотела бы я на это посмотреть!

В самом деле, всякий, желающий похитить неподъемный чемодан, оказался бы в том же самом положении, что и мы сейчас: без вертолета как без рук.

Мы закатали чемодан в кустики за пальмами. Черный и густо перемазанный землей, он прекрасно замаскировался на местности.

– Жди меня, и я вернусь! – уходя, пообещал донне ванне бельведерос мой романтичный братец. – К утреннему открытию сквера я буду стоять здесь как штык!

Не отягощенные четырехсоткилограммовым наследием прошлого, мы легкими тенями перемахнули через штыки забора в самом дальнем от будки охранника уголке сквера и без дополнительных приключений вернулись в отель.

Анджело Тоцци очень не нравилось его новое задание.

Анджело был «безродным псом» – его отец торговал в Палермо углем. В коза ностра юный Тоцци пришел из уличной банды и с трудом дослужился до третьего помощника второго человека. Для беспородного бандита без серьезных связей

это была прекрасная карьера, но теперь Анджело рисковал ее обрушить, и лишь потому, что Карло Палермскому приспичило поиграть в Отелло Венецианского.

Карло родился карликом, что было бы смешно, если бы за одну непочтительную улыбку в свою сторону обладатель столь подходящего ему имени не казнил весельчаков с безжалостностью урожденного Греко. Потомок одной из самых уважаемых династий сицилийской мафии, Карло умел внушить к себе уважение, превосходящее его физические габариты во много раз.

Анджело не мог послушаться Карло, но Анджело сознавал, что на сей раз Карло дал слабину. Он не должен был лично следить за Марией. Ну и что, что она – его любимая жена и единственная дочь уважаемого человека? Факт измены такому мужу, как Карло Греко, имело бы смысл скрывать от общественности лишь в том случае, если мужчина был слишком слаб, чтобы наказать свою женщину, как подобает. А быть в подчинении у слабого босса, как минимум, бесперспективно.

А еще Анджело понимал: то, что Карло приехал в Рим с одним-единственным провожатым, говорит не столько о его доверии, сколько о том, что ему не будет жаль расстаться с безродным Тоцци. Марию-то он, может, и пощадит, а вот Анджело точно зарвет.

Однако никакой возможности уклониться от деликатного задания у Анджело не было, и он честно сделал все, что от

него требовалось.

– Где? – коротко прорычал Карло, перебравшись через забор с ловкостью циркового лилипута.

Он озирался, как затравленный зверь. Чайного цвета глаза в свете фонаря казались желтыми, как у рыси.

– Сюда, – лаконично ответил Анджело, понимая, что в данной ситуации многословие – короткий путь на тот свет.

Лавочку с прекрасным видом на нужное окно он нашел еще засветло, а накануне подкупил приходящую уборщицу, пообещавшую не закрывать ставни и не задергивать шторы в спальне, как обычно. Арочный вход в опочивальню располагался напротив окна, в связи с чем сочетание бинокля и широкого просвета в занавесках выглядело многообещающим.

Анджело сопровождал Карло на лавочку, вручил ему бинокль и со словами:

– Французское окно на третьем этаже, – отступил на авансцену.

Разумеется, ему было любопытно. Но, что бы ни «планировал» увидеть в чужой спальне ревнивец Карло, свидетель ему был не нужен.

Окно на третьем этаже озарилось светом всего на пару минут. Анджело с беспокойством наблюдал за треугольной спиной Карло. Босс сидел очень прямо и руки с биноклем зафиксировал так крепко, словно был сложной формы корягой.

Так, цельнодеревянной фигурой, он и повалился на бок за

секунду до того, как окно потемнело.

– Карло!

Анджело подскочил к лавочке, не позволив боссу упасть на землю, и только через минуту бесплодных попыток привести Карло в чувство со всей определенностью понял, что по-сыновьи обнимает мертвое тело.

Вопрос «Что происходит в этой спальне?» сразу же потерял актуальность и уступил место другому: «Что делать с этим телом?»

Оставить его на лавочке нельзя – даже мертвый Карло Греко заслуживает уважения. В то же время перебросить тело, даже не очень крупное, через двухметровую каменную ограду Анджело не смог бы. Можно было попробовать протащить покойника сквозь мраморную баллюстраду или через решетку калитки – по идее, человеческая голова в фигурный зазор проходила, а где пролезет голова, пройдет и все тело, тем более карликовое... Но неизбежные при этом увечья впоследствии непременно поставили бы Анджело в вину. Да еще и докажи, что эти повреждения – посмертные!

Кроме того, очень опасно было бы открыто транспортировать тело Карло по чужому городу. Призвав на помощь небесных покровителей переносчиков тяжести – святых Христофора и Мавра, – Анджело мог бы унести труп на руках, но как далеко? Весьма вероятно, что только до первого встречного полицейского. А уж какая шумиха поднимется, если его в центре Рима задержат с трупом известного мафи-

ози, Анджело даже представлять не хотел.

Впрочем, у него еще был шанс все уладить.

После смерти Карло Греко вторым человеком в мафии автоматически становился его двоюродный брат Сальваторе. Великой родственной любви между кузенами не наблюдалось, и за благую весть о неожиданном скачке своей карьеры Сальваторе вполне мог проявить благодарность.

Стоя в темном сквере посреди чужого города с трупом бывшего босса на руках, Анджело остро нуждался в новом покровителе.

Он вновь опустил тело на лавочку, вынул из кармана кургузых штанишек почтенного карлика дорогой мобильник и позвонил Сальваторе.

– Что значит – мертв? Как мертв, почему мертв, кто убийца? – спросонья новый босс Греко не понял, что ситуация еще более экстремальная, чем это обычно бывает.

Анджело четко и ясно доложил обстановку, постаравшись лишить свой короткий доклад всякой эмоциональной окраски.

Это оказалось правильной тактикой.

– Умер, тайком наблюдая за женой и ее любовником в Риме?

Сальваторе уловил деликатную суть дела и понял, что над династией Греко нависла реальная угроза стать посмешищем всей Сицилии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.